

ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ МУЗЫКИ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эволюция британской
фольклористики

По словам составителя Кембриджского сборника Филипа Болмана, «национальная музыка отражает образ нации так, что люди различных национальностей узнают себя в основных и важных аспектах». Как и все народы, Британия представляла музыку по своему собственному образу, будь то коренная или иностранная, и, хотя Британская империя расширялась, начиная с XVII века, она также характеризовала свою собственную и мировую национальную музыку. До середины девятнадцатого века эта характеристика основывалась на ранней антропологической модели, называемой развитием, но с того времени эволюционные модели все чаще оспаривали ее лидерскую позицию.

В этой главе сборника «Кембриджская история мировой музыки» исследуется связь между антропологической теорией и представлением незападной музыки от расцвета Британской империи до ее упадка после Первой мировой войны. В ней также устанавливаются связи и пути антропологии от развития до эволюционизма. Мы увидим важные парадигмы развития, такие как моногенизм, полигенизм, сравнительный метод, а также эволюционные модели Герберта Спенсера и Чарльза Дарвина. Затем мы сопоставим эти шаблоны развития и эволюции с современными представлениями о музыке мира.

Антропология от Развития до Эволюционизма

Согласно господствующим в философии представлениям, развитие материи и сознания, взятое в целом, представляет собой бесконечное движение по восходящей спирали. Хотя это движение и включает в себя отступления, возвращения назад, но в принципе отличается прогрессивной направленностью – идет от форм простых к формам сложным, от систем низших, примитивных к системам высшим, высокоорганизованным. Это неизменный и универсальный закон культурного и человеческого развития - телеологическая парадигма, которую Питер Боулер классифицирует как предшественник эволюционизма. Один из главных представителей развития, мыслитель Просвещения Адам Фергюсон, «искал закономерность, закон или направление, стоящее за конкретными событиями истории», используя трехэтапный подход: от дикости и варварства к цивилизации.

Используя теорию, известную как сравнительный метод, Фергюсон и многие его современники использовали тавтологическую природу развития, чтобы доказать, что не все живые народы развиты в равной степени. Таким образом, современные «дикари» оставались неизменными как живые окаменелости, сродни первобытному человеку, в то время как современные цивилизованные люди эволюционировали от дикости довольно далеко. Джордж Стокинг пишет о развитии и его применении в сравнительном методе, ссылаясь на многих таких авторов.

Другой мыслитель Просвещения, Уильям Годвин, говорит о множестве. Он утверждает, что дикие расы могут стать более цивилизованными, а цивилизованные расы могут сохранять следы примитивных стадий развития, но в любом случае все люди должны быть «объединены с великим понятием человечества, и быть способными принять участие в его дальнейшем развитии... Наша человеческая раса призвана объединиться в одно единое целое, все части которого должны быть хорошо известны друг другу, и все они обладают сходной культурой», – пишет Годвин.

Хотя концепции неотъемлемого человеческого сходства лежали в основе европейской и британской антропологии конца восемнадцатого и девятнадцатого веков, они не смогли объяснить явные различия между народами, как древними, так и современными. С этой целью теории человеческого происхождения изучались вместе с развитием, чтобы помочь объяснить разнообразие. Возникла Великая Цепь Бытия, связавшая человека и обезьян, а в конечном итоге обезьян и людей африканского происхождения, и основополагающие теории моногенеза (происхождение человека от Адама и Евы) и полигенеза (различное происхождение человека). Культурное и физическое неравенство стали важными признаками различий, и в Великобритании, как и в других странах Европы, антропологии различий и сходства переросли в ранние формы научного расизма.

Моногенез был особенно восприимчив к расизму, поскольку он пытался объяснить присутствие людей, исключенных из библейского происхождения, таких как нехристиане, язычники и дикари. Понятие «Вырождения» возникло, чтобы объяснить существование именно таких народов. Как пишет Джордж Стокинг: «Вырождение, задуманное как термин в физическом и культурном плане, дало альтернативное объяснение проявленного человеческого разнообразия, которое все больше навязывалось антропологией. Так же как агрессивный этноцентризм и христианский гуманизм сосуществовали в общем культурном отношении к западным народам. Там, где дегенерация, казалось, решала насущные вопросы разнообразия, его расовый акцент часто вызывал предрассудки.

Например, британский антрополог Джеймс Коулз Причард, живший в первой половине 19-го века, полагал, что «все человечество изначально было черным и что дифференциация была результатом цивилизации». В этом отношении полигенизм не предлагал лучшего решения и иногда использовался для защиты рабства и оскорбительной веры в естественные человеческие различия. Полигенизм просто усиливал уже распространенные концепции расовых различий, утверждая, что «только дифференциальное происхождение от другого предка может объяснить телесные различия, которые стали называть расовыми различиями».

Грэм Ричардс называет это «вопросом недочеловечества», а именно – в основном полигенистическими взглядами, которые порочат небелых и, в частности, чернокожих.

Практическое применение этих моделей развития было широко распространено в британской культуре вплоть до 1850-х годов, и, возможно, не лучшим примером, чем Великая выставка в Кристалл Пэлас. Доктор Сток так описывает эти события: «Большая часть экспонатов Кристалл Пэлас поощряла специфические спекуляции на тему общей системы классификации, которые вели одну линию прогресса от тасманийского дикаря через «варварские» цивилизации Востока, а затем через европейский континент, к вершине в Великобритании».

То, что эта жесткая концепция человеческого развития была подкреплена расизмом, не вызывает сомнений. Роберт Нокс, например, пишет в «Расах людей»: «Эволюция – это все: литература, наука, искусство – одним словом, от этого зависит цивилизация».

В то же время, однако, успехи в теории наследственности начали заставлять пересмотреть более ранние модели развития. Младший двоюродный брат Чарльза Дарвина, Фрэнсис Гальтон, который сегодня широко известен как отец евгеники, много путешествовал в 1840-х и 50-х годах. Он стремился разработать теорию расовой наследственности, основанную на физических атрибутах, лингвистике, поведении и вере. Как указывает Стокин, несмотря на отсутствие концептуальной сплоченности, путешествия Гальтона были достаточно влиятельными, чтобы быть включенными в качестве справочника в путеводитель по Кристалл Пэлас, и впоследствии были упомянуты в «Описательной этнологии» Латама 1859 года. В то время как Гальтон был занят превращением расовой науки в евгенику, Альфред Уильям Уоллес, один из первооткрывателей эволюционного принципа, путешествовал по Амазонке, собирая материал, который в конечном итоге будет опубликован в «Повествовании о путешествиях по Амазонке и Рио-Негро» (1853). Отчет Уоллеса (который содержит ограниченную ссылку на музыку) обеспечивает предположительно менее расистский подход, уменьшая значение расы в пользу вопросов адаптации и происхождения.

При всей их значимости в истории антропологии, ни Гальтон, ни Уоллес не ушли так далеко, как их современник Чарльз Дарвин. Дарвин, который «собрал аргументы в пользу эволюции видов, просто подорвал все предыдущие системы мышления. Одним махом он лишил антропологию любой телеологической цели. Влияние Дарвина поставило эволюцию в авангард антропологического мышления и поместило ее на пересечении науки, идеологии и мировоззрения - так родилась «дарвиновская парадигма».

Библиограф Дарвина, Томас Хаксли, рассматривал теорию эволюции Дарвина как «примиряющую и объединяющую все хорошее в моногенических и полигенистических школах». Дарвиновский взгляд на эволюцию связан с естественным отбором и сексуальным отбором. Естественный отбор – это процесс, способствующий выживанию организмов, наилучшим образом соответствующих их условиям окружающей среды. Все организмы производят больше потомства, чем могут выжить, и все организмы в пределах вида варьируются. Некоторые из вариантов лучше адаптированы к их среде, и, поскольку потомство унаследует благоприятные качества своих родителей, следующее поколение станет лучше адаптировано к своей среде. Существует только борьба за выживание, никаких predetermined и универсальных законов человеческого прогресса и никакого перехода от дикаря и варвара к цивилизации.

Среди ранних представителей эволюционизма – чрезвычайно плодовитый и чрезвычайно спорный философ Герберт Спенсер, который стремился объединить все знания посредством эволюционизма. Именно Спенсер, а не Дарвин, придумал термин «выживание наиболее приспособленных», и Спенсер перевел эволюционизм в социологические, этические и культурные принципы. «Система синтетической философии» Спенсера – это «грандиозная попытка не только объединения знаний, но и объяснения с точки зрения эволюционной науки развития, которое переживает человеческое общество».

Как и Спенсер, сторонники эволюции часто придерживались взаимно противоречивых взглядов на человеческий прогресс. В то время как в 1865 году Лаббок изо всех сил пытался продвинуться дальше самой зачаточной формы жизни, с публикацией «Происхождения цивилизации» в 1870 году он развил ранее неизвестный потенциал для эволюции человека. Изменение Лаббока характерно для интеллектуального

ландшафта, постепенно уступающего дарвиновской модели эволюции, типичной для выдающегося антрополога Эдуарда Берннета Тайлора. Две основные его работы, «Исследования ранней истории человечества и развития цивилизации» (1865) и «Первобытная культура» (1871), «относятся к числу тех, которые обычно используются для обозначения апогея английского, дарвиновского и позитивистского влияния в культурной антропологии». Тайлор объясняет некоторые различия в начале примитивной культуры. Вот что он пишет: «Культура или цивилизация, взятая в широком этнографическом смысле, – это то сложное целое, которое включает в себя знания, убеждения, искусство, мораль, закон, обычаи и любые другие способности и привычки, приобретенные человеком как членом общества. Состояние культуры в различных обществах человечества является предметом изучения законов человеческой мысли и действия. С одной стороны, единообразие, которое в значительной степени пронизывает цивилизацию, можно приписать равномерному действию единых причин: в то время как с другой стороны его различные степени можно рассматривать как этапы развития или эволюции, каждая из которых является результатом предыдущей истории, и собирается внести свой вклад в формирование истории будущего».

По словам Де Ваала Малефийта, ключевое слово в первом предложении этой цитаты «приобретенное», поскольку оно указывает, что «культура была продуктом социального обучения, а не биологической наследственности, и что различия в культурном развитии не были результатом вырождения, но прогресса в культурном знании». Однако, как и Спенсер, сторонник эволюции Тайлор по-прежнему находился в противоречии с развитием. Как он говорит, «можно допустить, что некоторые грубые племена ведут жизнь, которой могут позавидовать некоторые варварские расы и даже изгои высших наций. Но то, что никакое известное дикое племя не будет улучшено разумной цивилизацией, – это предположение, которое не осмелится сделать ни один моралист; что в целом цивилизованный человек является не только мудрым и более способным, чем дикарь, но и лучше и счастливее...»

Тем не менее, с 1871 года тайлорская концепция культуры оставалась гегемонической в течение следующих тридцати лет, создавая методологию, которая существенно не изменится в Англии вплоть до 1930-х годов.

Эволюционные модели: моногенизм, полигенизм и сравнительный метод

Хотя тайлорская антропология создаст основу для современной британской фольклористики, ее история в Британии начинается гораздо раньше, в восемнадцатом веке. Большая ее часть содержится в литературе о путешествиях, переведенных с других языков, таких как «Путешествие на юг» Амеди Фрезье, «Море и вдоль побережья Чили и Перу» Жана-Батиста дю Хальде, «Описание китайской империи и китайско-татарского периода» и «Путешествие вокруг света в 1785 году» Перуза. Эти книги, как и многие другие, продолжали предоставлять «сырой» музыкально-антропологический материал даже в начале двадцатого века. Другой пример – путешествия Георга Форстера с капитаном Джеймсом Куком с 1772 по 1775 год, описанные в «Путешествии вокруг света» в «Резолюции его британского величества» (1777). Рассказ Форстера, хотя и непредубежденный, тем не менее заключает в себе противоречия, лежащие в основе эволюционизма Просвещения. Он восхищается эмоциональной глубиной таитянской музыки, но тем не менее описывает ее как «чрезвычайно простую», а ее фразы – «предельно простыми». Это обычные клише, которые используют для описания недоразвития, наряду с детством, животностью, естественностью, невежеством, невинностью, беспомощностью и подражанием.

Форстер, как и Руссо, также предполагает, что следы этих характеристик остаются у цивилизованных людей. Он пишет о неуважительности одного аборигена: «он не выражал желания уплыть с нами; и когда мы предложили это ему, он отказался, отдав предпочтение несчастной и ненадежной жизни своих соотечественников всем тем преимуществам, которыми, по его мнению, мы обладали... этот образ мышления является общим для всех дикарей».

Этот след дикости часто служит музыкальной цели, объясняя исследователям происхождение соразмерно ограниченных музыкальных произведений аборигенов. Исследователь фон Лангсдорф изучал музыку каннибалов островов Вашингтона. Он дает подробные описания физических характеристик инструментов, а также некоторые аналитические оценки. Например, такую: «Это очень примечательно... что почти все песни некультурных людей и даже музыка европейских народов, не очень продвинутых в цивилизации, в основном состоят из полутонов». С музыкальной точки зрения фон Лангсдорф – моногенист, претендующий определять полутона островитян, как некий общий «дикий интервал». Другие путешественники повторяют это утверждение.

Но некоторые современники опровергают единственное музыкальное происхождение. Для полигениста Джона Кроуфорда музыка индийского архипелага слишком разнообразна, чтобы исходить из одного источника.

Он пишет: «У каждого племени есть свои национальные особенности, но только среди яванцев музыка является подобием искусства. Эти люди, действительно, довели его до совершенства не только за пределами своего собственного прогресса в других областях искусства, но и гораздо выше всех других людей в столь неразвитом обществе».

В своем описании музыкальных инструментов Кроуфорд также обращается за помощью к своему коллеге-полигенисту и известному композитору Уильяму Кротчу, который от его имени изучил коллекцию яванских инструментов сэра Стэмфорда Раффлза, хранящуюся в доме герцога Сомерсетского. Ответ Кротча отражает суть проблемы полигениста утверждая, что человек имеет общее происхождение, но вариативное развитие.

После тщательного изучения инструментов Кротч приходит к выводу, что за некоторыми исключениями, вся музыка острова Ява звучит в энгармонических ладах.

Описание Яванской музыки Кротча выдвигает на первый план еще один аспект развития, а именно сравнительный метод, который рассматривает современные примитивные народы как живые окаменелости.

Сравнительный метод продолжал находить сторонников в течение некоторого времени. Часто в контексте дегенерации, как в детальном музыкальном приложении Джеймса Дэвиса к полинезийской мифологии сэра Джорджа Грея, озаглавленном «О родных песнях Новой Зеландии». Это обеспечило сравнение интервалов, различимых в песнях, с интервалами, которые, как утверждается, были выполнены древними греками в энгармоническом ладу. Как пишет Дэвис: «Моя цель – доказать, что древние владели и практиковали модуляцию, которая содержала гораздо меньше интервалов, чем у нас, и что подход к такой модуляции все еще сохраняется среди некоторых народов и что принципы, на которых греки основали свой энгармонический лад, все еще существуют в примитивной песне».

«Нравы и обычаи современных египтян» Эдварда Лейна (1836) – еще один, хотя и более ранний, пример классической дегенерации. В книге Лейна инструменты типичной египетской группы предназначены для публичного исполнения, а не для танцев. От достойного похвалы кеменге до скромного рабаба, они, по сути, являются мужскими, как духовые инструменты и некоторые барабаны. Инструменты для женщин, однако, предназначены для личного использования, а не для публичного исполнения, например, в гареме. Инструменты для женщин не только не «интересны в звучании», но и по конструкции они намного проще, чем инструменты для мужчин. Мужские инструменты играют в более сложных социальных ритуалах – свадьбы, религиозные шествия и т.д. Тогда как женские инструменты используются для развлечения в предписывающем и как бы социально упрощенном контексте гарема, где жизнь женщины обычно преподносилась, наполненной эротикой и праздностью.

Лейн Фокс помещает музыкальные инструменты в категорию «Разное искусство современных дикарей» в антропологическую коллекцию в Музее Бетнал Грин, утверждая: «Сходство между искусством современных дикарей и искусства первобытного человека можно сравнить с тем, что существует между современными и вымершими видами животных... среди искусств существующих людей на всех этапах цивилизации мы можем проследить последовательность идей от простого к сложному, но не истинному порядку развития, с помощью которого были созданы эти более сложные инструменты».

Дополнительные ресурсы по теме лекции:

1. Аугштайн НФ (ред.) (1996) «Раса: Истоки идеи, 1760-1850», Бристоль: Thoemmes Press
2. Биир Г. (2000) «Сюжеты Дарвина: Повествование об эволюции в Дарвине, Джордже Элиоте и художественной литературе XIX века», 2-е издание, издательство Кембриджского университета,
3. Болман, Ф. В. (2004) «Музыка европейского национализма: Культурная идентичность и современная история», Санта-Барбара, Калифорния
4. Volt С. (1971) «Отношение викторианцев к расе»
5. Боудич ТЕ (1819) «Миссия от замка Кейп-Кост до Ашанти, со статистическим отчетом об этом королевстве и географическими уведомлениями о других частях внутренних районов Африки», Лондон
6. Боулер ПиДжей (1988) «Недарвиновская революция: Переосмысление исторического мифа», Балтимор

Книга: История всемирной музыки, часть первая

Лекция: Эволюция британской фольклористики

---

7. Каннадин Д. (2001) «Орнаментализм: Как британцы видели свою империю в Лондоне»
8. Крук Д. П. (1994) «Дарвинизм, война и история»
9. Дауни В. (1841) «Наблюдения с целью исследования музыки Востока», Журнал Королевского азиатского общества,
10. Джон Мюррей (1974) «Изображения человека: История антропологической мысли», Нью-Йорк
11. Энгель К. (1864) «Музыка древнейших народов, особенно ассирийцев, египтян и евреев; с особой ссылкой на недавние открытия в Западной Азии и в Египте», Лондон